
Станислав Кляйн
Перекупщик Миров

Станислав Кляйн

Перекупщик Миров

«Автор»
2026

Кляйн С.

Перекупщик Миров / С. Кляйн — «Автор», 2026

В фэнтезийной повести «Круг памяти» село стоит на хрупкой границе между светом и тенью: тень не рушит стены — она стирает память, заставляя людей забывать тропы, обиды и связи друг с другом. Мальчик, пастух, мудрая Аграфена, упрямый кот Полтинник и жители села учатся держать круг не силой, а памятью: через медные полоски со спиралями, старые ложки, имена предков и простые слова «я здесь». Они закрывают трещины не камнями, а разговорами, возвращают забытые тропы и учатся слышать даже самый тихий голос. Но за пределами села ждёт древняя сила — она не кричит, а молча проверяет, хватит ли у людей тепла, чтобы помнить, когда станет особенно темно. Книга о том, что настоящая защита — в умении не забывать и звать друг друга по именам.

© Кляйн С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава первая 7
Глава вторая 9
Глава третья 12
Глава четвёртая 15
Глава пятая 18
Глава шестая 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Станислав Кляйн
Перекупщик Миров

ПЕРЕКУПЩИК МИРОВ

Фэнтези о кузнеце, который знал слишком много

Пролог

Кузнец Дормидонт Егорович Столяров умер во вторник, на сорок втором году жизни, от того, что любимая наковальня наконец отомстила ему за тридцать лет издевательств — свалилась с полки прямо на голову.

Открыл он глаза уже в другом месте.

Место было тёплое, пахло воском, мёдом и почему-то гвоздями. Дормидонт лежал на сдвинутых лавках под низким потолком из потемневших брёвен, и над ним склонялась старуха в платке. Платок был диковинный: вышит серебряными нитями, и нити слабо светились, будто в них запрягли светлячков.

— Живой, — сказала старуха с удивлением. — Отродясь такого не видала. Небось цену жизни загадал, да сама смерть поскупилась.

— Где я? — просипел Дормидонт. Голос был его собственный, но на «о» в конце слов легло что-то чужое, древнее.

— В Больших Кругах, — ответила старуха. — Село такое. А ты, мил человек, не совсем помер, а помер в одну сторону. У нас, знаешь ли, смерть — она как мост через речку: бывают мосты ровные, а бывают — на третьей доске сломанные. Твой сломался. Переехал, а не дошёл.

Позже Дормидонт много раз прокручивал эти слова в голове и ни разу не смог их перевести на человеческий. Тогда же он просто кивнул, потому что голова гудела, как пасека, и это было единственное, что он умел делать честно.

В кармане холщовой рубахи, в которой его сюда привезли, нашёлся паспорт. Не тот, настоящий, с гербовой печатью, — другой: серая книжечка, сшитая суровой ниткой, с выжженной на обложке надписью «Коваль». На развороте — строчки, выведенные старательным почерком:

«Дормидонт Егорович Столяров. Кузнец-оберегник. Оклад: три золотых в год и доля с лавки».

А ниже, свежими чернилами, ещё одна строка, тёмная, будто писана не чернилами вовсе:

«Принят. Молоток подтвердил».

Дормидонт не знал ещё ни про какой молоток. Знал только, что в его старом мире — мире асфальта, нарядов и ремонта в подъезде, который обещали сделать ещё при прошлом президенте, — у него не было ни жены, ни детей, ни собаки. Была кузница на осиновых сваях за МКАДом, куда он ездил по выходным и стучал железом в своё удовольствие. И то, что он умер среди бела дня вторника, а очнулся здесь, означало, что кузница теперь стоит запертая, а наковальня — свободна.

Об этом он подумал позже. А пока старуха сунула ему кружку отвара, пахнущего сосной и мёдом, и сказала:

— Пей. И не благодари — здесь после смерти благодарить не принято, плохая примета.

Глава первая

Купцом он оказался не сразу.

Сначала были три дня, которые он провалялся в избе вдовы Аграфены, женщины решительной, сорокалетней и единственной в селе, кто умел читать. Она поила его отваром из сосновых игл, кормила мёдом и по вечерам рассказывала, как устроен этот мир.

Устройство было простое и нехорошее.

Мир назывался Рассветная Русь, и Русь это была боевая: за лесом — туман, за туманом — земли Зверя-Поганого, и раз в семь лет Зверь поднимал туманную волну. Волну откатывали деревенские служки-чародеи да кова́ли, которые вбивали в землю железные якоря — и туман на якорях натыкался, как вода на отмель, и полз мимо. Пока якоря стояли — село стояло.

— А якорь держится, пока кузнец жив, — добавила Аграфена таким тоном, каким сообщают прогноз погоды, где на четверг намечается град размером с кулак.

— А если кузнец помер?

— А вот это ты сейчас спросил самое животрепещущее, — сказала Аграфена. — Егор Кузнец помер третьего года. Якоры держатся, пока железо помнит руку. Помнит — недолго. И лавка его стоит безхозная, а такие лавки сами себя не бросают: за три дня без хозяина запираются навеки, и всё чудо внутри пропадает. Потому нам и надо, чтобы ты.

— Чтобы я?

— Ты. Егор тебя признать должен был. Признал?

Дормидонт молча достал паспорт и ткнул пальцем в последнюю строку.

— «Молоток подтвердил», — прочла Аграфена и вдруг перекрестилась не два раза, как водится, а трижды, осенив себя справа, слева и посередине, как-то не по-нашему. — Так. Завтра пойдёшь. С утра. Не откладывай, лавка вещь обидчивая.

Лавка Волшебная стояла на краю села — покосившаяся, но чистая, с вывеской, на которой вместо букв висели три ржавых подковы: одна рогами вверх, две — вниз. Дормидонт почему-то сразу понял, что подковы рогами вверх — это к деньгам, а вниз — к беде, и что их вешают в таком порядке не по глупости, а по бухгалтерии.

Внутри пахло не пылью, а летним полем. Полки тянулись от пола до потолка, и на них теснились вещи, которые не должны были существовать: свисток, зовущий хмурь (чтобы распугивать громы), напёрсток удачи (на правую руку — удача, на левую — наоборот, беда, и не спрашивай почему, просто не перепутай), сапоги-скороходы с дырявой пяткой — специально, чтобы человек не улетел совсем, а только чутка.

А над прилавком, на гвозде, висел молоток. Обычный с виду, кованый, с короткой рукоятью.

Когда Дормидонт переступил порог, молоток звякнул о гвоздь — тихо, почти вежливо, как кашляют перед тем, как сказать слово.

— Здравствуй, хозяин, — сказал молоток. — Долго ты.

Дормидонт отступил на шаг и наступил на хвост коту, которого до этой минуты в лавке не было. Кот посмотрел на него с осуждением человека, который уже всё про тебя понял и решил не тратить слов.

— Ты кто? — спросил кузнец у молотка, потому что с котом заговаривать было уже страшно.

— Молоток-посконь, — сказал молоток. — Ковальское наследство Егора. Я не вещь, я мастерство. Твоя рука — да моя память. Хочешь — выучу. Хочешь — не выучу, но тогда лавка закроется, а Зверь придёт осенью без кова́ля, и я тебе этого не прощу, потому что умирать больно. Я пробовал.

— Молотки не пробовали умирать.

— Этот пробовал, — сказал Посконь без выражения. — Спрашивай потом, если досуга хватит.

Кот на полке зевнул. Дормидонт присмотрелся к нему — и решил, что зевает кот как-то неестественно правильно, как человек, который зевоту изучал по книжке. Зубы у него при этом блеснули белые и ровные, не кошачьи вовсе.

— Кота как зовут?

— Никак, — сказал кот сам. — Кличек не признаю. Если хочешь меня назвать — называй по заслугам.

— Полтинник, — сказал Дормидонт, глядя, как кот возникает и исчезает — то на полке, то на прилавке, то между ними, как сдача в лавке: был и нет.

Полтинник подумал и, к удивлению Дормидонта, не обиделся.

— Пойдёт, — сказал он. — Пока пойдёт.

Вечером Дормидонт обошёл лавку вдоль и поперёк, пересчитал полки (их было ровно сорок, и на каждой — ровно девять вещей, и он твёрдо решил не думать, почему так), вынес мусор и обнаружил на дальней стене то, что заставило его остановиться и долго смотреть.

На стене мелом, крупно, торопливо, был нарисован круг. Внутри круга — молот. Под молотом — три слова:

«Скажет Егор: ждет червертый».

Почерк был Егоров — Дормидонт уже видел образцы на паспортных квитанциях в лавке. Мел лежал рядом, стёсанный до половины, будто надпись писали не один раз и не один год.

— Что значит «четвёртый»? — спросил Дормидонт вслух.

Посконь на гвозде звякнул — один раз, коротко, как закрывают тему.

— Спрашивай потом, — повторил молоток. — Ты пока молоток в руки возьми, хозяин. Дело осталось.

За окном, далеко в лесу, туман шевельнулся — лениво, как пёс перед побудкой. Дормидонт этого не видел, но лавка видела: три ржавые подковы на вывеске к ночи повернулись все рогами вниз.

До волны оставалось сто восемьдесят три дня.

Глава вторая

Утро в Больших Кругах пахло дымом, мокрой соломой и чем-то острым, будто в воздухе висел невидимый гвоздь — и ты на него натыкаешься при каждом вдохе. Дормидонт вышел из каморки, потёр лицо, и пальцы на секунду обожгло холодом — не от воды, а от самого воздуха, будто он был не просто прохладным, а *знающим*.

Посконь уже висел на гвозде, прямой и строгий, как линейка у старого мастера.

— Руки мой, — сказал молоток без предисловий. — И фартук надень. Лавка не любит голых рук и пустых слов.

Дормидонт послушно ополоснулся в кадке у двери, натянул тяжёлый кожаный фартук, который будто помнил прежнего хозяина — сидел по плечам, как старый друг. Полтинник, кот, сидел на прилавке и вылизывал лапу с видом человека, который знает все секреты лавки и не собирается их выдавать.

— Сегодня первый заказ, — сказал Посконь. — Баба Дарья пришла. У неё серп порченный. Егор его ковал с оговором, но оговор выдохся, а железо помнило только плохое. Теперь оно рвёт рожь и тянет туман к полю.

— И что, я должен это… заговорить? — Дормидонт поморщился, вспомнив деревенские ритуалы из фильмов: перья, соль, шептания над водой.

— Заговорить — это полдела, — сухо ответил Посконь. — Главное — перековать. Железо должно забыть старое и запомнить новое. А для этого ты должен вложить в него не слово, а руку. И сердце. И голову.

— А если я вложу туда науку? — тихо спросил Дормидонт. — У меня в том мире железо было просто металлом. Углерод, структура, закалка. Я знаю, как сделать его крепким.

Посконь звякнул о гвоздь — один раз, коротко, как будто сдерживал вздох.

— Вот это и страшно, — сказал он. — В этом мире железо помнит не только руку, но и мысль. Если ты будешь думать, что оно просто металл, оно и станет просто металлом — и перестанет держать оговор. А без оговора якорь — это просто железяка. А серп — просто кусок стали, который будет рвать рожь и звать туман.

— Значит, мне надо перестать думать как инженер?

— Нет, — ответил Посконь неожиданно мягко. — Значит, тебе надо думать как кузнец, у которого есть инженерное знание. Это редкий сорт человека. И опасный. Для мира — полезный. Для тебя — рискованный.

Баба Дарья вошла в лавку, не постучав. Она была широкой, с руками, на которых жилы тянулись, как верёвки, и с лицом, на котором не было места для сомнений. В руках она держала серп — серый, с рваным лезвием, будто его грызли зубами.

— Егор обещал три покоса, — сказала она, не глядя на Дормидонта, а глядя прямо на Посконя, будто молоток был тут главным. — Отработал два. На третий раз лезвие пошло волнами, и рожь в том углу почернела. Говорят, туман её лизнул.

— Мы поправим, — сказал Дормидонт, сам удивившись, как уверенно это прозвучало.

— Поправишь — хорошо, — сказала Дарья. — Не поправишь — я не обижусь. Но если из-за твоего железа туман придёт к моему полю — я обижусь. Сильно.

Она положила серп на наковальню и вышла, не оборачиваясь. Дверь за ней тихо скрипнула, будто лавка вздохнула.

— Ну, — сказал Посконь. — Начинай. И помни: здесь железо не прощает спешки.

Горн уже тлел — угли светились изнутри, как глаза зверя, который ждёт приказа. Дормидонт раздул меха, и пламя поднялось, ровное и жаркое. Он взял серп клещами, поднёс к огню и вдруг замер.

Он видел не просто металл. Он видел структуру: как углерод ушёл в края, как зерно стало крупным и рыхлым, как в лезвии пошли микротрещины — не от магии, а от плохой ковки. Он знал, что нужно выжечь лишний углерод, уплотнить зерно, сделать лезвие однородным. И только потом — накладывать оговор.

— Ты опять думаешь как из того мира, — сказал Посконь, когда Дормидонт начал считать про себя температуру: «тысяча сто, не больше, иначе зерно пойдёт в песок».

— Я не могу не думать, — ответил Дормидонт. — Это как пытаться не дышать.

— Тогда думай, но не забывай, что ты здесь, — сказал Посконь. — Железо должно чувствовать, что ты его уважаешь. Не как кусок руды, а как вещь, которая будет служить людям.

Дормидонт кивнул и положил серп в горн. Металл начал краснеть, потом алеть, потом становиться почти белым. Он вынул его, положил на наковальню и ударил — не сильно, но точно, чтобы уплотнить структуру. Удар отозвался в руке, в плече, в груди — и в какой-то момент Дормидонту показалось, что он слышит не звон металла, а тихий голос: «Ещё. Сильнее. Помни меня».

Он ударил ещё раз. И ещё. И вдруг понял, что не просто куёт — он *разговаривает* с железом. Не словами, а ударами. Каждый удар был фразой: «Ты будешь крепким. Ты будешь служить. Ты не будешь звать туман».

Когда он опустил серп в воду, пар поднялся с шипением, как вздох облегчения. Лезвие вышло ровным, блестящим, с тонкой синевой по кромке — признаком хорошей закалки.

— Теперь оговор, — сказал Посконь. — Но не как у Егора. У него был свой голос. У тебя будет свой. Скажи железу, что ты от него хочешь. Не заученными словами. Своими.

Дормидонт взял серп в руки, почувствовал его вес, баланс, холод кромки. И тихо, почти шёпотом, сказал:

— Служи честно. Не рви то, что не надо. Держи линию. И не пускай туман туда, где люди.

И вдруг — он почувствовал, как металл *кивнул*. Не буквально, конечно, но в руке что-то щёлкнуло, как замок, который встал на место.

— Готово, — сказал Посконь. — Ты сделал это по-своему. Посмотрим, примет ли мир твой способ.

Когда Дормидонт вынес серп бабе Дарье, она взяла его, провела пальцем по лезвию — не для проверки остроты, а будто слушала металл. Потом подняла глаза на Дормидонта.

— Звенит, — сказала она. — Не как у Егора. По-другому. Чище.

— Это потому что… — начал было Дормидонт, но она подняла руку, останавливая его.

— Не надо объяснять, — сказала она. — Если работает — значит, хорошо. Сколько с меня?

— Ничего, — сказал Дормидонт. — Долг Егора.

Дарья кивнула, не споря, и ушла, унося серп, как будто не просто инструмент, а что-то живое.

В лавке стало тихо. Только Полтинник зевнул, и этот зевок прозвучал как комментарий: «Ну, началось».

— Ты сделал вещь, — сказал Посконь. — Но ты сделал её на грани. Мир может не любить таких кузнецов — тех, кто знает слишком много.

— А что мне делать? — спросил Дормидонт. — Забыть всё, что я знал?

— Нет, — ответил молоток. — Не забывай. Но учись держать равновесие. Твоя наука — это сила. Но здесь сила без уважения — это разрушение.

За окном, далеко в лесу, туман шевельнулся — не лениво, как раньше, а резко, будто кто-то дёрнул за край простыни. И в этот раз Дормидонт это увидел. Он подошёл к окну, прижался лбом к стеклу, и ему показалось, что в тумане мелькнуло что-то — не лицо, а намёк на лицо, как тень от дерева, которая вдруг становится похожей на человека.

— Сто восемьдесят два дня, — сказал Посконь тихо. — И мир будет проверять, достоин ли ты быть ковáлем.

Полтинник спрыгнул с прилавка и подошёл к Дормидонту. Он не тёрся о ногу, не мурлыкал — он просто сел рядом и посмотрел в ту сторону, где шевелился туман. И в его глазах было что-то, чего не бывает у обычных котов: понимание.

— Что ты видишь? — спросил Дормидонт.

— То, что ты пока не можешь, — ответил Полтинник. — Но скоро сможешь.

Глава третья

День тянулся, как разогретое железо: медленно, тяжело, будто каждое мгновение приходилось ковать заново. Дормидонт прибирал лавку, переставлял вещи, пытался привыкнуть к тому, что каждая полка здесь — не просто доска, а граница между «можно» и «нельзя». Он не трогал предметы, не зная их силы: на третьей полке слева лежал моток медной проволоки, от которого по коже бежали мурашки, будто кто-то шептал: «Не трогай, не для тебя». На четвёртой — три стеклянных шарика, внутри которых кружились пылинки, и кружились они не от ветра, а сами по себе, будто в них был спрятан маленький вихрь.

Полтинник ходил за ним по пятам, не мяукал, не тёрся, просто шёл, как тень, которая решила стать самостоятельной.

— Ты чего такой внимательный? — буркнул Дормидонт, когда кот в третий раз обошёл один и тот же угол, будто нюхал пустоту.

— Тут пахнет не так, — коротко ответил Полтинник. — Не как обычно.

— А как?

— Как будто кто-то стёр себя, — сказал кот и сел, поджав хвост, будто ему стало холодно от собственных слов.

В этот момент дверь скрипнула.

Дормидонт обернулся — и замер.

На пороге стоял человек. Высокий, прямой, в длинном сером кафтане, который будто сливался с воздухом. Лицо у него было обычное: нос, глаза, брови — всё как у людей. Но тени у него не было. Совсем. Пол на лавке был дощатый, светлый, солнце падало косыми полосами, и все тени лежали ровно: от полок, от банок, от самого Дормидонта. А у этого человека — ни намёка. Будто свет проходил сквозь него, но не оставлял следа.

Посконь на гвозде тихо звякнул — один раз, коротко, как будто кто-то дёрнул за нитку.

— Здравствуй, хозяин, — голос у гостя был тихий, но в нём слышалось эхо, будто слова говорили не только ртом, но и чем-то ещё, что осталось за пределами слуха. — Я пришёл спросить про Егора.

— Егор помер, — сказал Дормидонт, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не как у мальчишки, который впервые увидел фокус. — Три года как.

— Знаю, — кивнул человек без тени. — Но он кое-что оставил. И кое-что обещал. И теперь это твоё.

Он сделал шаг внутрь, и в этот момент лавка будто вздохнула — не скрипом, не треском, а тем внутренним звуком, который бывает, когда дом узнаёт гостя, которого не ждал.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Дормидонт.

— Якорь, — просто сказал гость. — Тот, что на северной опушке. Старый. Он держится на слове Егора, а слово Егора кончается. Сегодня. К закату.

У Дормидонта похолодели пальцы, хотя в лавке было тепло.

— И что будет? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Туман подступит ближе, — спокойно ответил человек. — На сто шагов. Потом на двести. Потом — волна. Раньше срока.

— Но волна бывает раз в семь лет! — вырвалось у Дормидонта.

— Бывает, — согласился гость. — А бывает и раньше, если якоря не держат. Мир не любит, когда его границы забывают.

Посконь звякнул снова, на этот раз громче.

— Надо идти, — сказал молоток. — Сейчас. Пока солнце высоко. Старый якорь можно подновить, если успеть до заката. Но это не просто железо. Это оговор, который надо переплести заново.

— Я не умею, — тихо сказал Дормидонт. — Я только серп починил.

— Зато ты знаешь, как железо живёт, — отозвался Посконь. — Этого хватит. Главное — не дать ему умереть.

Человек без тени отошёл к двери и остановился, будто ждал разрешения выйти.

— Меня зовут Велес, — сказал он. — Не бог, не дух, не демон. Просто тот, кто следит за границами. Если якорь падёт — я не смогу его поднять. Это дело кова́ля.

— Тогда пойдём, — сказал Дормидонт и потянулся за фартуком. Пальцы дрожали, но он не стал прятать руки.

Полтинник первым выскользнул за порог, будто знал дорогу лучше всех. Велес шёл следом, и его отсутствие тени было самым страшным — не потому что оно пугало, а потому что было правильным, как тишина перед грозой.

Тропа к северной опушке была узкой, заросшей, будто её специально прятали от глаз. По бокам тянулись кусты, цеплялись за одежду, будто пытались задержать. Дормидонт шёл, чувствуя, как пот стекает по спине, а в груди стучит не страх, а что-то другое — ответственность, тяжёлая, как наковальня.

— Почему именно я? — спросил он у Велеса, когда тропа пошла вверх и дышать стало труднее.

— Потому что лавка тебя признала, — ответил Велес. — А лавка не ошибается. Она чувствует, кто может держать границу.

— А если я не смогу?

Велес посмотрел на него — и в этом взгляде не было ни жалости, ни утешения. Только правда.

— Тогда граница сдвинется, — сказал он. — И те, кто живёт за ней, придут сюда.

Якорь стоял на опушке, как забытый памятник: толстый железный стержень, вбитый в землю, с кольцом наверху, потемневшим от времени. Вокруг него трава росла странно — не пучками, а кругами, будто земля помнила, как туман пытался её коснуться.

Когда Дормидонт подошёл ближе, он почувствовал это — холод, который не был холодом воздуха, а был холодом пустоты. Якорь ещё держался, но его сила трещала, как старая верёвка.

— Он умирает, — сказал Посконь, и голос молотка звучал непривычно тихо, почти виновато. — Оговор Егора рассыпается. Надо вплести новый.

— Как? — спросил Дормидонт, оглядываясь по сторонам, будто надеялся увидеть инструкцию на дереве.

— Так, как ты умеешь, — сказал Велес. — Своим способом. Не копируй Егора. Мир примет то, что честно. Даже если оно другое.

Дормидонт опустился на колени рядом с якорем, положил руки на металл — и вдруг понял, что чувствует его. Не просто холод и шероховатость, а усталость. Якорь был старым, он столько лет держал туман, что сам стал похож на границу — тонкую, дрожащую, но упрямую.

Он достал Посконя, приложил его к якорю и ударил — не сильно, а так, чтобы почувствовать, как звук уходит в землю. Удар отозвался не звоном, а тишиной — будто якорь вздохнул.

— Ещё, — сказал Посконь. — И говори. Не заклинание. Свои слова.

Дормидонт закрыл глаза и сказал то, что пришло первым:

— Держись. Ты нужен. Не сдавайся. Мы с тобой.

И вдруг — он почувствовал, как металл откликнулся. Не словами, не звуком, а теплом. Якорь будто встряхнулся, как человек, который услышал знакомый голос в темноте.

Ещё удар. Ещё слово. Ещё.

К закату якорь стоял прямо, как будто его только что вбили в землю. Трава вокруг него выпрямилась, круги стали ровнее, а холод ушёл — не исчез, но стал терпимым, как зимний ветер, который не хочет тебя убить, а просто напоминает, что он есть.

Велес стоял в стороне, не мешая, и когда последний удар прозвучал, он кивнул — один раз.

— Граница держится, — сказал он. — Пока.

Солнце садилось, окрашивая лес в багровый цвет, и в этом свете даже тени казались живыми.

— Сколько у нас времени? — спросил Дормидонт, вытирая пот со лба.

— Сто восемьдесят один день, — сказал Посконь тихо. — И это если никто не будет проверять границы раньше.

Полтинник подошёл к Дормидонту и ткнулся носом в ладонь — не как кот, а как тот, кто хочет сказать: «Ты справился. Но это только начало».

Когда они возвращались, тропа казалась короче, будто лес решил их не задерживать. А в небе, над лесом, туман шевельнулся — не волной, а лёгким вздохом, будто проверял, насколько крепко держится граница.

Глава четвёртая

Ночь после укрепления якоря выдалась странная. Не тёмная, не бурная — а будто мир затаил дыхание. Даже петухи прокричали свои три раза как-то неуверенно, будто проверяли: «А слышно ли нас?» Дормидонт проснулся рано, ещё до рассвета, и долго лежал, прислушиваясь к лавке. Она дышала — тихо, ритмично, как спящий зверь, у которого под шкурой перекатываются мускулы.

Посконь на гвозде не шевелился, но Дормидонту казалось, что молоток смотрит на него. Не глазами — тем особым вниманием, которое чувствуешь затылком.

— Не спится? — спросил Полтинник, возникнув у изголовья так бесшумно, будто его и не было, а потом вдруг стало.

— Будто кто-то ходит по крыше, — признался Дормидонт. — А там никого.

— Это не по крыше, — сказал кот. — Это по границе. Туман проверяет, где мы ослабли.

Дормидонт сел, потянулся за фартуком.

— Значит, надо работать, — буркнул он. — Работа — лучшее от всего.

В лавке он первым делом проверил полки: всё ли на местах, не сдвинулось ли что-то само собой. На третьей полке медной проволоки не было — исчезла. На её месте лежал маленький железный гвоздик, простой, без узора, но от него веяло такой тяжестью, будто он держал на себе целый дом.

— Откуда это? — спросил Дормидонт, глядя на Посконя.

— Лавка сама меняет товар, — ответил молоток. — Когда ей нужно. Не трогай пока. Это не для продажи.

Полтинник понюхал гвоздик, фыркнул и отошёл, будто запах ему не понравился.

День тянулся медленно, и в этой медленности было что-то неправильное. В селе обычно шумели: скрипели колодцы, кричали дети, стучали топоры. Сегодня же звуки были приглушённые, будто село накрыли мешковиной.

А потом пришла Аграфена.

Она вошла в лавку не как обычно — твёрдой походкой, а осторожно, будто боялась расплескать то, что принесла. Лицо у неё было бледное, а глаза — слишком внимательные, как у человека, который ищет в чужих лицах ответ на вопрос, который страшно задать вслух.

— Случилось что-то, — сразу понял Дормидонт.

Аграфена кивнула, не садясь, не снимая платка.

— На восточной стороне, у старого родника, нашли служку, — сказала она тихо, будто слова могли кого-то услышать. — Чародея. Мёртвого.

У Дормидонта похолодело внутри.

— Как мёртвого? — переспросил он. — От старости? От болезни?

— Нет, — Аграфена покачала головой. — Не от старости. У него… у него не было тени. Совсем. Как у Велеса. Только у Велеса это нормально, а у служки — нет. Тень у чародея — как подпись. Без неё он не может работать с границей. А он был именно по границам.

Посконь тихо звякнул.

— Кто-то забрал тень, — сказал молоток. — Или она сама ушла. Но второе бывает только перед большой бедой.

— А первое? — спросил Дормидонт.

— Первое бывает, когда кто-то охотится на тех, кто держит границу, — ответила Аграфена, и голос её дрогнул. — И если это так… то мы все в опасности. Особенно кова́ли.

Полтинник тихо зашипел, будто почувствовал запах гари.

— Надо идти смотреть, — сказал Дормидонт, уже застёгивая фартук.

— Нельзя просто так идти, — возразила Аграфена. — Там уже люди. И староста. И… ещё кое-кто.

— Кто?

— Из столицы, — она понизила голос. — Наместник. Прибыл сегодня утром. Говорят, с ревизией. А на деле — будто нюхает, где пахнет бедой.

Весть ударила по голове, как молот.

— Ревизия? — переспросил Дормидонт. — Сейчас? Когда у нас мёртвый служка и граница трещит?

— Именно сейчас, — горько сказала Аграфена. — Будто кто-то подсказал им, когда ударить.

Они пошли к роднику втроём: Дормидонт, Аграфена и Полтинник, который шёл впереди, как разведчик, то и дело останавливаясь, нюхая воздух и дёргая ушами. Посконь Дормидонт повесил на пояс — не для красоты, а чтобы чувствовать рядом эту холодную, уверенную тяжесть.

Тропа к роднику была знакома, но сегодня казалась чужой. Кусты цеплялись за одежду, будто не хотели пускать, а тени от деревьев лежали неровно, как будто их кто-то сдвинул.

Когда они вышли на поляну, Дормидонт сразу увидел толпу. Люди стояли полукругом, не подходя близко, и в их молчании было больше страха, чем в крике. В центре, у самого родника, лежал человек в сером кафтане — тот самый служка, о котором говорила Аграфена. Он лежал ровно, будто спал, но вокруг него не было ни намёка на тень. Даже солнце, пробивавшееся сквозь листву, оставляло пятна света, но не касалось его.

Рядом стоял человек, которого Дормидонт раньше не видел. Высокий, в чёрном плаще с серебряными пуговицами, с лицом, будто высеченным из камня. Рядом с ним — двое в одинаковых серых куртках, с холодными, пустыми глазами.

— Это наместник, — прошептала Аграфена. — А те двое — его люди.

Наместник заметил их, повернулся, и взгляд у него был такой, будто он уже всё про них знал — и ничего хорошего не думал.

— Вдова Аграфена, — голос у него был ровный, без интонаций, как лезвие. — И… новый кузнец, как я понимаю. Рад, что вы пришли. Нам нужны ваши показания.

— Какие показания? — спросила Аграфена твёрдо. — Мы не следователи.

— Зато вы — те, кто ближе всех к границе, — сказал наместник. — А этот человек работал с границей. Его смерть — угроза всему селу. И я должен знать, кто мог это сделать.

— Может, это Зверь? — вырвалось у Дормидонта.

Наместник посмотрел на него, и в этом взгляде мелькнуло что-то вроде интереса — холодного, как лёд.

— Зверь не забирает тени, — сказал он. — Зверь ломает границы. А это… это работа другого рода. Это работа того, кто хочет сломать саму систему.

Один из серых людей подошёл к телу, наклонился, что-то поднял — и протянул наместнику маленький предмет: тонкую полоску тёмной ткани, почти чёрную, будто впитавшую в себя всю тьму.

— Нашли рядом, — сказал он.

Наместник взял полоску, повертел в пальцах, и Дормидонту показалось, что ткань чуть шевелится, как живая.

— Это не просто ткань, — тихо сказал Посконь у него на поясе. — Это ловушка для тени. Редкая и очень опасная вещь.

— Вы что-то знаете, кузнец? — резко спросил наместник, глядя прямо на Дормидонта.

— Я… слышал, — осторожно ответил Дормидонт. — В лавке всякое болтают.

— В лавке, — повторил наместник, и в голосе его прозвучало что-то похожее на усмешку. — Да. Лавки всегда знают больше, чем говорят.

Он сделал шаг вперёд, и солнце вдруг как будто потускнело, будто кто-то прикрыл его ладонью.

— У меня есть к вам предложение, кузнец, — сказал наместник. — Вы поможете мне разобраться в этом деле. А я… я помогу вам удержать лавку. Потому что, знаете ли, есть слухи, что лавка Егора должна быть опечатана. Слишком много странного в ней хранится.

У Дормидонта внутри всё сжалось.

— Лавка — моя, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Она меня признала.

— Признание лавки — вещь тонкая, — спокойно ответил наместник. — И не всегда признаётся законом.

Аграфена шагнула вперёд, закрывая Дормидонта собой.

— Мы сами разберёмся, — сказала она твёрдо. — У нас есть свои способы.

Наместник чуть наклонил голову, будто оценивая её смелость.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Разбирайтесь. Но знайте: я буду следить. И если что-то пойдёт не так… я вмешаюсь.

Он повернулся и пошёл прочь, его люди — за ним. Толпа расступилась, пропуская их, и в этом расступании было что-то унизительное, будто люди заранее признавали их власть.

Когда они ушли, поляна будто вздохнула. Люди начали перешёптываться, подходить к телу, но уже без страха, а с какой-то горькой привычкой к беде.

— Плохо, — сказала Аграфена, глядя вслед наместнику. — Очень плохо.

— Он хочет забрать лавку, — понял Дормидонт.

— Не только лавку, — покачала головой Аграфена. — Он хочет забрать контроль над границей. А тот, кто контролирует границу, контролирует всё село. И всех, кто на ней стоит.

Полтинник подошёл к месту, где лежало тело, понюхал землю, помотал головой и отступил.

— Тут пахнет не Зверем, — сказал он тихо. — Тут пахнет человеком. И этот человек знает, как ломать границы.

— Что будем делать? — спросил Дормидонт.

Аграфена посмотрела на него, и в её глазах было столько усталости, что ему захотелось взять эту усталость на себя.

— Будем делать то, что умеем, — сказала она. — Держать границу. И искать того, кто её ломает.

— И не дать наместнику закрыть лавку, — добавил Дормидонт.

— И это тоже, — кивнула Аграфена. — Потому что без лавки у нас не будет ни знаний, ни защиты.

Солнце уже клонилось к закату, и тени становились длиннее, будто пытались дотянуться до чего-то важного.

— Сто восемьдесят дней, — тихо сказал Посконь. — И мир снова будет проверять нас. Только теперь не один раз. А со всех сторон.

Глава пятая

Обратно в лавку шли молча. Слова будто застряли в горле, тяжёлые и острые, как гвозди. Аграфена шла впереди, прямая, будто держала на плечах невидимую балку — ту самую, что не давала селу рассыпаться. Полтинник петлял вокруг, то убегая вперёд, то возвращаясь, нюхая воздух так сосредоточенно, будто пытался вычленить один запах из тысячи. Посконь на поясе Дормидонта тихонько постукивал о пряжку ремня — не в такт шагам, а будто отсчитывал что-то важное.

Когда лавка показалась из-за поворота — покосившаяся, с тремя ржавыми подковами, — Дормидонт вдруг почувствовал не облегчение, а странное напряжение, как перед ударом молота. Лавка смотрела на них, будто ждала отчёта.

Внутри было душно и пахло не мёдом и воском, как раньше, а железом и пылью — будто сама тишина здесь стала металлической. Дормидонт снял фартук, повесил его на крюк и тут же почувствовал, что без него будто голый.

— Надо понять, кто это сделал, — сказал он, глядя на Аграфену. — Не «кто-то», а имя. След. Хоть что-то.

Аграфена кивнула, но в её взгляде мелькнуло сомнение:

— Следы в этом мире не всегда на земле. Иногда они в воздухе. Или в чужих словах.

— Тогда начнём с чужих слов, — упрямо сказал Дормидонт. — Кто мог знать, что служка работает с границей? Кто знал, где он бывает?

— Да все, — тихо ответила Аграфена. — В селе секретов не бывает. Но тот, кто забрал тень, знал не просто «где». Он знал, *как*. А это уже не из деревенских.

Посконь звякнул.

— Есть ещё одно, — сказал молоток. — Ловушка для тени — вещь редкая. Её не делают в кузнице на коленке. Её собирают знатоки. И хранят в местах, где тень сама боится жить.

Полтинник вдруг вспрыгнул на прилавок, сел, поджав лапы, и посмотрел на Дормидонта так, будто собирался сказать что-то, чего не говорил никогда.

— Я знаю, где такие вещи бывают, — произнёс он наконец. — И знаю, кто их собирает.

Дормидонт замер.

— Ты… ты знал? И молчал?

— Не знал точно, — спокойно ответил кот. — До сегодняшнего дня. Но я чуял, что в селе что-то не так. Слишком много тишины. Слишком ровные тени.

— И где? — спросила Аграфена, не повышая голоса, но так, что стало ясно: она готова идти хоть на край света.

— На старом погосте, — сказал Полтинник. — За северной тропой, там, где деревья растут кругом, будто кто-то их так посадил. Там есть яма. Не могила. Просто яма, но из неё тянет холодом, который не от земли. Туда носят вещи, которые нельзя держать в доме. И оттуда берут то, что нельзя делать при свете.

У Дормидонта похолодели пальцы.

— Погост… — повторил он. — Это же кладбище.

— Это было кладбище, — поправил Полтинник. — Теперь это место, где мёртвые не лежат, а шепчутся.

Аграфена нахмурилась.

— Туда не ходят просто так, — сказала она. — Особенно сейчас. Если там кто-то хозяйничает…

— Значит, надо сходить не просто так, — перебил Дормидонт. — Надо сходить как кузнец. С делом.

Он подошёл к полке, где лежали странные вещи, и потянулся к медному гвоздику, который появился вчера. Тот самый, от которого веяло тяжестью.

— Что ты делаешь? — насторожился Посконь.

— Беру с собой, — ответил Дормидонт. — Если это ловушка или ключ — пусть будет при мне.

— Он не для этого, — глухо сказал молоток. — Но раз ты берёшь — значит, лавка тебе его и дала. Держи крепко.

Полтинник спрыгнул с прилавка и пошёл к двери, будто уже знал, что спорить бесполезно.

— Я пойду первым, — сказал он. — Там тропа хитрая. Один неверный шаг — и ты уже не там, где думаешь.

Аграфена достала из-за пазухи маленький мешочек, туго завязанный, и повесила на шею.

— От тумана, — коротко пояснила. — И от того, что прячется в тумане.

Они вышли, когда солнце уже перевалило за полдень, и тени стали длинными, будто тянулись за ними, как верёвки. Тропа к погосту была не той, по которой ходили на могилы — она вилась по краю леса, обходя знакомые места, будто специально пряталась от глаз.

Через полчаса ходьбы лес стал другим. Деревья росли плотнее, их ветви сплетались наверху, закрывая небо. Воздух был густым, как кисель, и в нём висел запах прелой листвы и чего-то ещё — горького, металлического.

Полтинник шёл впереди, прижимая уши и дёргая хвостом.

— Здесь, — прошептал он наконец, останавливаясь у круга из камней. Камни были серые, покрытые мхом, и на каждом — выцарапанные знаки, которых Дормидонт не понимал. В центре круга была та самая яма — неглубокая, но с неровными краями, будто её рыли не лопатой, а когтями.

Аграфена опустилась на колени у края и провела рукой по камням.

— Старые метки, — сказала она тихо. — Их ставили, чтобы держать… не покойников. А то, что приходит к покойникам.

Дормидонт подошёл ближе, стараясь не наступать на линии между камнями. В яме что-то блестело — не золото, не серебро, а тусклый, тёмный металл, будто впитавший в себя всю тьму вокруг.

— Вот оно, — сказал Полтинник, не подходя близко. — То, что собирает тени.

Дормидонт наклонился, протянул руку… и вдруг почувствовал, как воздух вокруг сжался, будто кто-то выдохнул ему в затылок.

— Не трогай, — резко сказала Аграфена. — Это не просто вещь. Это ловушка. Если ты коснёшься её без защиты — она заберёт твою тень. А без тени кузнец не может держать границу.

Он отдёрнул руку, но поздно. На мгновение ему показалось, что тень его фигуры дрогнула — не как от ветра, а будто её кто-то потянул. И в этот момент Посконь на его поясе вспыхнул тусклым светом — не огнём, а внутренним сиянием, которое шло не от солнца, а от самого металла.

— Держись за меня, — сказал молоток, и голос его звучал не как раньше — не сухо и деловито, а с напряжением, будто он сдерживал что-то огромное. — Я не дам ей тебя забрать.

Дормидонт вцепился в рукоять молотка, чувствуя, как холод металла проникает в пальцы, но не обжигает, а укрепляет.

— Кто это делает? — спросил он, глядя в яму, где тускло поблёскивал предмет. — Зачем?

— Чтобы сломать границу, — тихо ответил Полтинник. — Чтобы туман пришёл раньше срока. Чтобы село не успело подготовиться. Чтобы кова́ли остались одни.

— Но кто? — настаивал Дормидонт.

Кот посмотрел на него, и в его глазах было что-то, чего раньше не было — усталость и знание, которое тяжело носить.

— Я скажу, — произнёс он. — Но ты должен пообещать, что не будешь смотреть на меня как на чужого.

— Обещаю, — выдохнул Дормидонт.

— Я был там, — сказал Полтинник. — В том месте, где делают такие ловушки. Не как гость. Как… помощник. Меня звали не Полтинником. Меня звали Тенью. И я приносил им вещи, которые нельзя держать при свете. Пока не понял, что они хотят сломать Рассветную Русь.

Аграфена тихо вздохнула, но не удивилась — будто знала, что у кота есть прошлое, которое он не расскажет просто так.

— Почему ты ушёл? — спросил Дормидонт, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Потому что увидел, как они забрали тень у первого служки, — сказал кот. — И понял, что если останусь — стану частью этого. А я не хотел быть частью разрушения.

— И ты ничего не сказал? — спросил Дормидонт, и в груди у него шевельнулось что-то похожее на обиду.

— Сказал, — спокойно ответил Полтинник. — Тебе. Сейчас.

В этот момент из-за деревьев вышел человек. Не Велес. Не наместник. Другой. В тёмном плаще, с капюшоном, надвинутым так, что лица не было видно. В руке он держал тонкую полоску ткани — такую же, как ту, что нашли у тела служки.

— Очень трогательно, — произнёс он, и голос у него был мягкий, почти ласковый, от чего становилось ещё страшнее. — Кот, который раскаялся. Кузнец, который пытается понять. Жаль, что понимания всегда не хватает до самого конца.

Полтинник зашипел, шерсть у него встала дыбом, и он вдруг стал больше, чем обычный кот — будто в нём проснулось что-то древнее.

— Уходи, — сказал он незнакомцу. — Это место не твоё.

— Теперь моё, — спокойно ответил человек. — Пока граница слабеет, всё становится моим. Даже ваши секреты.

Дормидонт шагнул вперёд, прикрывая собой Аграфену и Полтинника.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Того же, что и всегда, — сказал человек. — Чтобы мир перестал держаться на старых якорях. Чтобы пришло новое время. И чтобы те, кто его строит, решали, кому жить в этом времени.

Он бросил полоску ткани на камни — и та легла, как змея, готовая к броску.

— Сто семьдесят девять дней, — тихо сказал Посконь. — И он хочет, чтобы волна пришла раньше.

Незнакомец улыбнулся — или это просто тень на его лице дрогнула.

— До встречи, кузнец, — сказал он и шагнул назад, растворяясь в тени деревьев, будто его и не было.

Тишина вернулась, но теперь она была другой — не пустой, а наполненной угрозой.

— Мы знаем врага, — прошептала Аграфена. — Но не знаем его имени.

— Зато знаем, где искать, — сказал Дормидонт, сжимая рукоять Посконя. — И знаем, что он не один.

Полтинник подошёл к нему и ткнулся носом в ладонь — не как кот, а как тот, кто просит прощения и одновременно обещает быть рядом.

— Прости, что не сказал раньше, — произнёс он тихо.

— Прощаю, — ответил Дормидонт. — Главное — теперь мы идём дальше вместе.

Солнце клонилось к закату, и тени становились длиннее, но теперь Дормидонт видел в них не угрозу, а линии, которые можно перековать — если знать, куда бить.

Глава шестая

Утро пришло не с пением птиц, а с тяжёлым молчанием — будто село решило на время перестать дышать. Дормидонт проснулся с ощущением, что день будет не просто трудным, а таким, после которого мир уже не станет прежним. Он натянул фартук, привычно потрогал висящего на поясе Посконя — и только сейчас заметил, что металл молотка чуть тёплый, будто он всю ночь держал в себе жар горна.

— Ты чего такой… бодрый? — спросил Дормидонт у молотка.

— Не бодрый, — отозвался Посконь. — Настороженный. Якорь тянет силу. Ему страшно.

Полтинник сидел на подоконнике и смотрел во двор так, будто каждое дерево могло вдруг шагнуть с места.

— Сегодня надо идти к якорю, — сказал Дормидонт. — Не просто подновить — укрепить. Если тот человек в капюшоне хочет сломать границу раньше срока, якорь должен выдержать не один удар, а десять.

Аграфена вошла в лавку без стука, но тихо, как человек, который не хочет спугнуть удачу. В руках у неё был свёрток из грубой ткани, туго перетянутый бечёвкой.

— Я принесла то, о чём хотела рассказать, — сказала она, кладя свёрток на прилавок. — Про «четвёртого». Ты ведь видел надпись на стене лавки? «Трое держат, четвёртый помнит». Я знаю, что это значит.

Дормидонт кивнул. Надпись въелась в память: корявые буквы, будто выцарапанные гвоздём, висели над полкой с самыми тихими вещами — теми, что не звенели, не шевелились, но будто ждали своего часа.

— Рассказывай, — сказал он, усаживаясь на табурет.

Аграфена села напротив, распустила бечёвку и развернула ткань. Внутри лежал плоский камень, серый, с прожилками, похожими на молнии. На одной стороне была выбита странная спираль, а в центре — крошечная выемка, будто для капли крови или слезинки.

— Это памятный камень, — тихо сказала Аграфена. — Его не ковали, не резали — он сам пришёл. Так у нас говорят. Его держат не для силы, а для памяти. Чтобы граница не забывала, кто её ставил.

— Трое держат… — повторил Дормидонт.

— Да, — кивнула Аграфена. — Якоря. Три главных якоря держат границу: северный, западный и южный. Их ставят кова́ли, их обновляют кова́ли. А четвёртый — тот, кто помнит. Он не держит физически. Он помнит имена тех, кто держал раньше. И если четвёртый молчит — граница слабеет не от удара, а от забвения.

— И кто этот четвёртый? — спросил Дормидонт.

— Раньше это был человек, — ответила Аграфена. — Тот, кто знал все имена, все оговорки, все даты. Его называли Хранителем Памяти. Но последний Хранитель… он пропал. Три года назад. Как раз перед смертью Егора. И с тех пор спираль на камне стала тускнеть.

Посконь глухо звякнул.

— Вот почему граница трещит, — сказал молоток. — Не только от силы. От пустоты. Кто-то стирает память. Тот, кто забирает тени, стирает и имена. Без имени якорь — просто железо.

У Дормидонта похолодели пальцы.

— Значит, чтобы укрепить якорь, мало ударов и слов, — сказал он. — Надо вернуть память.

— Именно, — кивнула Аграфена. — И я знаю, где искать следы последнего Хранителя. В старой сторожке у западного якоря. Там до сих пор лежат его книги. Если они целы — в них могут быть имена. И оговорки, которые держат не силу, а память.

Полтинник спрыгнул с подоконника.

— Тогда идём, — сказал кот. — Но к якорю сначала. Туман уже шевелится. Я чувствую, как он пробует воздух — будто лижет край чашки, проверяя, можно ли пролиться.

Они вышли, когда солнце только-только поднялось над лесом, и длинные тени лежали на тропе, как чёрные верёвки, готовые схватить за ногу. Полтинник шёл впереди, нюхая землю и дёргая ушами. Аграфена держала памятный камень у груди, будто боялась, что ветер унесёт его слова. Дормидонт шёл последним, чувствуя, как тяжесть Посконя становится не обузой, а опорой.

До северного якоря добрались быстро — тропа будто сама подставляла корни под ноги, помогая идти. Якорь стоял ровно, но вокруг него трава снова легла кругами, неровными, рваными, как если бы кто-то тянул её изнутри.

— Он держится, — сказал Посконь, но в голосе молотка слышалась тревога. — Но держится из последних сил.

Дормидонт опустился на колени, положил ладонь на металл и закрыл глаза. Он не стал сразу бить — он слушал. И услышал то, чего боялся: тонкий, едва уловимый треск, как будто где-то внутри якоря рвалась тонкая нить.

— Надо не просто ударить, — прошептал он. — Надо вплести память.

Он достал памятный камень и приложил его к якорю. Камень едва коснулся железа — и спираль на нём вспыхнула тусклым светом, как тлеющий уголёк.

— Теперь говори, — сказал Посконь. — Не свои слова. Слова тех, кто был до тебя. Даже если ты их не знаешь — скажи так, будто знаешь. Якорь сам подскажет.

Дормидонт сжал зубы и произнёс первое, что пришло:

— Я помню тех, кто стоял здесь до меня. Я помню их руки, их удары, их слова. Пусть эта память будет крепче стали. Пусть она держит границу, когда сила уйдёт.

Камень отозвался тихим гулом, будто внутри него зазвенел маленький колокол. Якорь вздрогнул — не от удара, а от узнавания.

— Ещё, — сказал Посконь. — Громче. Так, чтобы лес услышал.

И Дормидонт закричал — не от страха, а от решимости:

— Я помню! Я держу! Я не дам забыть!

Он ударил Посконем по якорю — не сильно, но точно, в то место, где металл был тёплым. Удар отозвался не звоном, а глубоким, долгим звуком, который пошёл по земле, как волна. Трава вокруг выпрямилась, круги стали ровными, а воздух будто стал плотнее, будто граница натянулась, как тетива.

— Хорошо, — выдохнул Посконь. — Теперь он не просто железо. Теперь он помнит.

Но в этот момент Полтинник зашипел и прижался к земле.

— Они идут, — прошептал кот. — Не люди. Те, кто ходит по границам, когда их ломают.

Из леса вышли трое. Не в капюшонах, не в плащах — просто серые, будто собранные из тумана. Они не спешили, не бежали — они шли так, будто тропа принадлежала им. В руках у одного из них была та самая тёмная ткань — ловушка для тени.

— Сто семьдесят восемь дней, — тихо сказал Посконь. — И они пришли проверить, насколько мы готовы.

Аграфена шагнула вперёд, закрывая собой Дормидонта.

— Здесь вам не пройти, — сказала она твёрдо. — Якорь помнит. А мы — держим.

Серые остановились, будто натолкнулись на невидимую стену. Тот, что с тканью, поднял руку — и ткань зашевелилась, как живое существо.

— Память можно стереть, — произнёс он голосом, в котором не было ни злости, ни радости — только холодная уверенность. — Достаточно одного слова.

— Но нельзя стереть тех, кто не даёт забыть, — ответил Дормидонт, вставая рядом с Аграфеной. — Мы помним. И этого хватит.

Он снова ударил по якорю, и на этот раз звук был таким громким, что серые отступили на шаг. Ткань в руке человека дёрнулась, будто её обожгло, и начала тускнеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.